

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

В ДЕРЕВНЕ

Я — найдёныш.

Но до восьми лет я этого не знал и был уверен, что у меня, как и у других детей, есть мать, потому что, когда я плакал, какая-то женщина нежно обнимала и утешала меня и слёзы мои тотчас же высыхали.

Вечером, когда я ложился спать в свою постельку, эта же женщина подходила и целовала меня, а в холодное зимнее время согревала своими руками мои озябшие ноги, напевая при этом песенку, мотив и слова которой я прекрасно помню до сих пор.

Если гроза заставала меня в то время, когда я пас нашу корову на пустырях, она выбегала ко мне навстречу и, стараясь укрыть от дождя, набрасывала мне на голову и плечи свою шерстяную юбку.

Я рассказывал ей о своих огорчениях, о ссорах с товарищами, и немногими ласковыми словами она всегда умела успокоить и образумить меня.

Ёё постоянные заботы, внимание и доброта, даже её воркотня, в которую она вкладывала столько нежности, — всё заставляло меня считать её своей матерью. Но вот как я узнал, что я был только её приёмным сыном.

Деревушка Шаванон, где я вырос и провёл своё раннее детство, — одна из самых бедных деревень центральной Франции.

Почва здесь крайне неплодородна и требует постоянного удобрения, поэтому обработанных и засеянных полей в этих краях чрезвычайно мало, и повсюду тянутся огромные пустыри. За пустырями начинаются степи, где обычно дуют холодные, резкие ветры, мешающие росту деревьев; оттого деревья встречаются тут редко, и то какие-то малорослые, чахлые, искалеченные. Настоящие, большие деревья — красивые, пышные каштаны и могучие дубы — растут только в долинах по берегам рек.

В одной из таких долин, возле быстрого полноводного ручья, стоял домик, где я провёл первые годы своего детства. Мы жили в нём только вдвоём с матерью; муж её был каменщиком и, как большинство крестьян этой местности, жил и работал в Париже. С тех пор как я вырос и стал понимать окружающее, он ни разу не приезжал домой. По временам он давал о себе знать через кого-либо из своих товарищей, возвращавшихся в деревню.

— Тётушка Барберен, ваш муж здоров! Он шлёт привет и просит передать вам деньги. Вот они. Пересчитайте, пожалуйста.

Матушка Барберен вполне довольствовалась этими краткими весточками: муж здоров, работает, зарабатывает на жизнь.

Барберен жил постоянно в Париже, потому что там у него имелась работа. Он рассчитывал скопить немного деньжонок, а затем вернуться в деревню, к своей старухе. На отложенные деньги он надеялся прожить те годы, когда они состарятся и не в силах будут больше работать.

Однажды в ноябрьский вечер какой-то незнакомый человек остановился у нашей калитки. Я стоял на пороге дома и ломал хворост для печки. Человек, не отворяя калитки, заглянул поверх её и спросил:

— Здесь живёт тётушка Барберен?

Я попросил его войти.

Незнакомец толкнул калитку и медленно направился к дому. Очевидно, он долго шёл по скверным, размытым дорогам, так как с головы до ног был забрызган грязью.

Матушка Барберен, услыхав, что я с кем-то разговариваю, тотчас же прибежала, и человек не успел переступить порог нашего дома, как она уже очутилась перед ним.

— Я принёс вам вести из Парижа, — сказал он.

Эти простые слова, какие нам не раз приходилось слышать, были произнесены совсем иным тоном, чем обычно.

— Боже мой! — воскликнула матушка Барберен, испуганно сжимая руки. — С Жеромом, верно, случилось несчастье?

— Ну да, только не следует терять головы и пугаться. Правда, ваш муж сильно пострадал, но он жив. Возможно, он останется теперь калекой. Сейчас он в больнице. Я тоже там лежал и был его соседом по

койке. Узнав, что я возвращаюсь к себе в деревню, Барберен попросил меня зайти к вам и рассказать о случившемся. Прощайте, я очень тороплюсь. Мне надо ещё пройти несколько километров, а скоро стемнеет.

Матушке Барберен хотелось, конечно, узнать обо всём подробнее, и она начала уговаривать незнакомца остаться поужинать и переночевать:

— Дороги плохие. Говорят, появились волки. Лучше отправиться в путь завтра утром.

Незнакомец усёлся возле печки и за ужином рассказал, как произошло несчастье.

На стройке, где работал Барберен, рухнули плохо укреплённые леса и придавили его своей тяжестью. Хозяин, ссылаясь на то, что Барберену незачем было находиться под этими лесами, отказывался платить пособие заувечье.

— Не повезло бедняге, не повезло... Боюсь, что ваш муж ровно ничего не получит.

Стоя перед огнем и обсушивая свои брюки, заскорузлые от грязи, он повторял «не повезло» с таким искренним огорчением, которое говорило о том, что он охотно стал бы калекой, если бы за это можно было получить вознаграждение.

— Всё же, — сказал он, заканчивая свой рассказ, — я посоветовал Барберену подать в суд на хозяина.

— В суд? Но это будет стоить больших денег.

— Зато, если выиграешь дело...

Матушке Барберен очень хотелось поехать в Париж, но такое далёкое путешествие стоило бы очень дорого. Она попросила написать письмо в больницу, где лежал Барберен. Через несколько дней мы получили ответ, в котором говорилось, что матушке нет необходимости ехать самой, но ей надо выслать немного денег, потому что Барберен подал в суд на хозяина.

Проходили дни и недели, и время от времени прибывали письма с требованием новых денег. В последнем Барберен писал, что если денег нет, то следует немедленно продать корову.

Только тот, кто вырос в деревне, среди бедняков крестьян, знает, какое большое горе — продать корову.

Корова — кормилица крестьянской семьи. Как ни многочисленна и бедна семья, она никогда не будет голодать, если у неё в хлеву есть корова. Отец, мать, дети, взрослые и маленькие — все живы и сыты благодаря корове.

Мы с матушкой также питались неплохо, хотя мяса почти никогда не ели. Но корова была не только нашей кормилицей, она была и нашим другом.

Корова — разумное и доброе животное, отлично понимающее слова и ласку человека. Мы постоянно разговаривали с нашей Рыжухой, ласкали и холили её. Словом, мы любили её и она нас любила. И вот теперь приходилось с ней расставаться.

В дом пришёл покупатель: с недовольным видом качая головой, он долго и внимательно осматривал Рыжуху со всех сторон. Затем, повторив раз сто, что она ему совсем не подходит, так как даёт мало молока, да и то очень жидкое, он в конце концов заявил, что купит её лишь по своей доброте и из желания помочь такой славной женщине, как тётушка Барберен.

Бедная Рыжуха, как будто поняв, что происходит, не захотела выйти из хлева и жалобно замычала.

— Подойди и хлестни её, — обратился ко мне покупатель, снимая кнут, висевший у него на шее.

— Не надо, — возразила матушка Барберен. И, взяв корову за повод, ласково произнесла: — Пойдём, моя красавица, пойдём!

Рыжуха, не сопротивляясь, послушно вышла на дорогу. Новый хозяин привязал её к своей телеге, и тогда ей поневоле пришлось следовать за лошадью. Мы вернулись в дом, но ещё долго слышали её мычанье.

Не стало ни молока, ни масла. Утром — кусок хлеба, вечером — картошка с солью.

Вскоре, после того как мы продали Рыжуху, наступила масленица. В прошлом году на масленице матушка Барберен напекла превкусных блинов и оладий, и я их съел так много, что она осталась очень довольна. Но тогда у нас была Рыжуха. «Теперь, — печально думал я, — нет ни молока, ни масла, и мы не можем печь блины». Однако я ошибался: матушка Барберен и на этот раз решила меня побаловать.

Хотя матушка очень не любила брать у кого-нибудь в долг, она всё же попросила у одной соседки немного молока, а у другой — кусок масла. Вернувшись в полдень домой, я увидел, что она высыпает муку в большой глиняный горшок.

— Мука? — удивлённо воскликнул я, подходя к ней.

— Да, — ответила матушка. — Разве ты не видишь? Чудесная пшеничная мука. Понюхай, как она вкусно пахнет.

Мне очень хотелось узнать, что она будет готовить из этой муки, однако я не решился спросить её, не желая напоминать о том, что сейчас масленица. Но она заговорила сама:

— Что делают из муки?

— Хлеб.

— А ещё что?

— Кашицу.

— Ну, а ещё?

— Право, не знаю...

— Нет, ты прекрасно знаешь и отлично помнишь, что сегодня масленица, когда пекут блины и оладьи. Но у нас нет ни молока, ни масла, а ты молчишь, потому что боишься меня огорчить. Тем не менее я решила устроить тебе праздник и заранее обо всём позаботилась. Загляни-ка в ларь.

Я быстро приподнял крышку ларя и увидел там молоко, масло, яйца и три яблока.

— Подай мне яйца и очисть яблоки, — сказала матушка.

Пока я чистил и резал тоненькими ломтиками яблоки, она разбила и вылила яйца в муку, а затем принялась месить её, постепенно подливая в неё молоко. Замесив тесто, матушка поставила его на горячую золу, чтобы оно подошло. Теперь оставалось только терпеливо ждать вечера, так как есть блины и оладьи мы должны были за ужином.

Сказать по правде, день показался мне очень длинным, и я не раз заглядывал под полотенце, которым был накрыт горшок.

— Ты застудишь тесто, — говорила мне матушка, — оно плохо поднимется.

Но оно поднималось превосходно, и от бродившего теста шёл приятный запах яиц и молока.

— Приготовь сухого хвороста, — приказала матушка. — Печь должна быть очень горячей и не дымить.

Наконец стемнело, и зажгли свечу.

— Затопи печку.

Я с нетерпением ждал этих слов и потому не заставил себя дважды просить. Скоро яркое пламя запылало в очаге и озарило комнату своим колеблющимся светом. Матушка сняла с полки сковородку и поставила её на огонь.

— Принеси мне масло.

Кончиком ножа она взяла небольшой кусок масла и положила его на сковороду, где оно мгновенно растопилось.

Ах, какой восхитительный аромат разлился по всей комнате, как радостно и весело затрещало и зашипело масло! Я был

всесело поглощён этой чудесной музыкой, но вдруг мне показалось, что на дворе раздались шаги. Кто мог потревожить нас в это время? Вероятно, соседка хочет попросить огонька. Однако я сейчас же отвлёкся от этой мысли, потому что матушка Барберен погрузила большую ложку в горшок, зачерпнула тесто и вылила его на сковородку. Разве можно было в такой момент думать о чем-нибудь постороннем?

Внезапно раздался громкий стук, и дверь с шумом открылась.

— Кто там? — спросила матушка Барберен, не оглядываясь.

Вошёл человек, одетый в холщовую блузу, с большой палкой в руках.

— Ба, да здесь настоящий пир! Прошу вас, не стесняйтесь! — грубо произнёс он.

— Ах, боже мой! — воскликнула матушка Барберен и быстро поставила сковородку на пол. — Неужели это ты, Жером?

Потом она схватила меня за руку и толкнула к человеку, стоявшему на пороге:

— Вот твой отец.

ГЛАВА II

КОРМИЛЕЦ СЕМЬИ

Я подошёл, чтобы обнять его, но он отстранил меня палкой:

— Кто это?

— Реми.

— Ты же мне писала...

— Да, но... это была неправда, потому что...

— Ах, вот как, неправда!

И, подняв палку, он сделал по направлению ко мне несколько шагов. Я инстинктивно попятился.

Что такое? В чём я провинился? Почему он оттолкнул меня, когда я захотел его обнять? Но у меня не было времени разобраться в этих вопросах, теснившихся в моём взволнованном уме.

— Я вижу, вы справляете масленицу, — сказал Барбен. — Отлично, я очень голоден. Что ты готовишь на ужин?

— Блины.

— Но не блинами же ты будешь кормить человека, который прошёл пешком столько километров!

— Больше ничего нет. Мы тебя не ждали.

— Как? Ничего нет на ужин?

Он огляделся по сторонам:

— Вот масло.

Затем поднял глаза к тому месту на потолке, где мы обычно подвешивали свиное сало. Но уже давно там ничего не висело, кроме пучков чеснока и лука.

— Вот лук, — сказал он, сбивая палкой одну из связок. — Четыре-пять луковиц, кусок масла — и получится хорошая похлебка. Сними-ка блин и поджарь лук.

Снять блин со сковороды! Однако матушка Барберен ничего не возразила. Наоборот, она поспешила сделать то, что ей приказал муж, а он уселся на скамью, стоявшую в углу, возле печки.

Не решаясь сойти с того места, куда он загнал меня палкой, я, опершись на стол, смотрел на него.

Это был человек лет пятидесяти, с некрасивым, суровым лицом. Послеувечья голова у него была наклонена набок, что придавало ему какой-то угрожающий вид. Матушка Барберен снова поставила сковороду на огонь.

— Неужели ты думаешь сделать похлебку с таким маленьким кусочком масла? — спросил Барберен. И, взяв тарелку, где лежало масло, он вывалил его на сковороду. — Нет масла — значит, не будет и блинов!

В другой момент я, наверно, был бы потрясён такой катастрофой, но сейчас я уже не мечтал ни о блинах, ни об оладьях, а думал только о том, что этот грубый, суровый человек — мой отец.

«Отец, мой отец...» — мысленно повторял я.

— Вместо того чтобы сидеть как истукан, поставь-ка на стол тарелки! — обратился он ко мне спустя некоторое время.

Я поспешил выполнить его приказание. Суп был готов. Матушка Барберен разлила его по тарелкам. Барберен подсёл к столу и начал жадно есть, время от времени останавливаясь, чтобы посмотреть на меня.

Я был так расстроен, что не мог проглотить ни одной ложки, и тоже смотрел на него, но украдкой, опуская глаза, когда встречался с ним взглядом.

— Что, он всегда так мало ест? — неожиданно спросил Барберен, указывая на меня.

— Ах нет, он ест хорошо.

— Жаль! Было бы лучше, если б он ничего не ел.

Понятно, что ни я, ни матушка Барберен не имели ни малейшего желания разговаривать. Она ходила взад и вперёд вокруг стола, стараясь услужить мужу.

— Значит, ты не голоден? — спросил он меня.

— Нет.

— Тогда отправляйся спать и постарайся сию же минуту заснуть, иначе я рассержусь.

Матушка Барберен сделала мне знак повиноваться, хотя я и не думал противиться.

Как это бывает обычно в большинстве крестьянских домов, кухня одновременно служила нам и спальней. Рядом с печкой находилось всё необходимое для еды: стол, ларь для провизии, шкафчик с посудой; на другой стороне в одном углу стояла кровать матушки Барберен, а в противоположном — моя, занавешенная красной материей.

Я поспешил разделся и лёг, но заснуть, конечно, не мог. Я был чрезвычайно взволнован и очень несчастлив. Неужели этот человек — мой отец? Тогда почему же он обошёлся со мной так грубо? Отвернувшись к стене, я напрасно старался прогнать эти грустные мысли. Сон не приходил. Через некоторое время я услышал, что кто-то приближается к моей кровати.

По шагам, медленным и тяжёлым, я тотчас узнал Барберена. Горячее дыхание коснулось моих волос.

— Ты спишь? — услышал я приглушённый голос.

Я ничего не ответил. Страшные слова «я рассержуся» ещё звучали в моих ушах.

— Спит, — заметила матушка Барберен. — Он засыпает сразу же, как только ляжет. Можешь спокойно говорить обо всём, он тебя не услышит. Чем кончился суд?

— Дело проиграно! Судьи решили, что я сам виноват в том, что находился под лесами, и потому хозяин ничего мне не должен платить. — Тут он стукнул кулаком по столу и произнёс несколько бессвязных ругательств. — Деньги пропали, я искалечен, нас ждёт нищета! Мало того: возвращаюсь домой и нахожу здесь ребёнка. Объясни, пожалуйста, почему ты не сделала так, как я велел?

— Потому что я не могла...

— Не могла отдать его в приют для подкидышей?

— Трудно расстаться с ребёнком, которого сама выкормила и которого любишь, как родного сына.

— Но ведь это не твой ребёнок!

— Позднее я хотела отдать его в приют, но он заболел.

— Заболел?

— Да, он болел, и если бы я его отдала в это время в приют, он бы там умер.

— А когда выздоровел?

— Он долго не поправлялся. За одной болезнью последовала другая. Прошло много времени. И я решила, что раз я могла кормить его до сих пор, то смогу прокормить и в будущем.

— Сколько ему теперь лет?

— Восемь.

— Ну что ж, он пойдёт в восемь лет туда, куда должен был отправиться раньше.

— Жером, ты не сделаешь этого!

— Не сделаю? А кто мне помешает? Неужели ты думаешь, что мы будем вечно держать его у себя?

Наступило молчание, и я смог перевести дух. От волнения у меня так сжалось горло, что я чуть не задохнулся. Матушка Барберен продолжала:

— Как тебя изменил Париж! Раньше ты не был таким жестоким.

— Париж не только изменил меня, но и сделал меня калекой. Работать я не могу, денег у нас нет. Корова продана. Может ли мы теперь кормить чужого ребёнка, когда нам сям нечего есть?

— Но он мой.

— Он такой же твой, как и мой. Этот ребёнок не приспособлен для жизни в деревне. Я рассмотрел его во время ужина: он хрупкий, худой, у него слабые руки и ноги.

— Но он очень хороший, умный и добрый мальчик. Он будет работать на нас.

— Пока что нам нужно работать на него, а я не могу больше работать.

— А если найдутся его родители, что ты тогда им скажешь?

— Пошлю их в приют. Однако хватит болтать, надоело! Завтра я отведу его к мэру¹. А сегодня хочу ещё зайти к Франсуа. Через час я вернусь.

Дверь отворилась и захлопнулась. Он ушёл.

Тогда я живо вскочил и стал звать матушку Барберен:

— Мама, мама!

Она подбежала к моей кровати.

— Неужели ты отправишь меня в приют?

— Нет, мой маленький Реми, нет!

И она нежно поцеловала меня, крепко сжимая в своих объятиях. Эта ласка ободрила меня, и я перестал плакать.

— Так ты не спал? — спросила она меня нежно.

¹ Мэр — лицо, стоящее во главе сельской общины или городского самоуправления.

— Я не виноват.

— Я тебя не браню. Значит, ты слышал всё, что говорил Жером? Мне следовало бы давно рассказать тебе правду. Но я привыкла считать тебя своим сыном, и мне трудно было признаться, что я не твоя родная мать. Кто твоя мать и жива ли она, ничего не известно. Ты был найден в Париже, и вот как это случилось. Однажды ранним утром, идя на работу, Жером услышал на улице громкий детский плач. Пройдя несколько шагов, он увидел, что на земле, у калитки сада, лежит маленький ребёнок. В то же время Жером заметил какого-то человека, который прятался за деревьями, и понял, что тот хотел посмотреть, поднимут ли брошенного им ребёнка. Жером не знал, что делать; ребёнок отчаянно кричал, как будто поняв, что ему могут помочь. Тут подошли другие рабочие и посоветовали Жерому отнести ребёнка в полицейский участок. Там ребёнка раздели. Он оказался здоровым, красивым мальчиком пяти-шести месяцев. Больше ничего узнать не удалось, так как все метки на его белье и пеленках оказались вырезанными. Полицейский комиссар сказал, что придется отдать ребёнка в приют для подкидышей. Тогда Жером предложил взять тебя к себе, пока не найдутся твои родители. У меня в это время только что родился ребёнок, и я могла кормить обоих. Так я стала твоей матерью.

— О, мама!

— Через три месяца мой ребёнок умер, и тогда я ещё больше привязалась к тебе. Я совсем забыла, что ты мне не родной сын. Но Жером этого не забыл и, видя, что твои родители не находятся, решил отдать тебя в приют. Ты уже знаешь, почему я его не послушалась.

— О, только не в приют! — закричал я, цепляясь за неё. — Умоляю тебя, мама, не отдавай меня в приют!

— Нет, дитя моё, ты туда не пойдёшь. Я это устрою. Жером вовсе не злой человек. Горе и боязнь нужды заставляют его так поступать. Мы будем работать, ты тоже будешь работать.